

«Простая судьба»

Часть первая.

Заканчивался май. Подходили к концу недели наших мучений и бессонных ночей, когда мы готовились к экзаменам. Позади остался третий курс и мы можем снова облегченно выдохнуть. Я говорю «мы». «Мы» это я, Сергей Ланской, и мой близкий друг Михаил Шульц. Для меня он просто «Миха». Я и Мíха, мы оба студенты, оба учимся в политехническом институте, причем в одной группе потока. С Мíхой я познакомился четыре года назад еще на подготовительном курсе. Многие столичные институты в то время открывали подготовительные или, как их называли в институтской среде, «нулевые» курсы в основном для демобилизованных и уволенных в запас солдат и сержантов, прошедших срочную службу в Советской Армии. Я хорошо помню, как после службы три месяца занимался всякой ерундой, а, попросту говоря, бездельничал и прожигал жизнь. Почти каждый день встречи с корешами, пьянки гулянки, праздные шатания по нашему району. Рос я без отца. Он умер, когда мне было десять лет. Мама говорила, что он умер от инсульта. Поэтому мама растила меня одна, заменяя собой обоих родителей. Мама посчитала, что я, отслужив два года, набрался ума. Ан не тутто было. После моего возвращения домой из армии мама долго молчала, не показывая вида, что мои гулянки и попойки встали ей уже поперек горла. Но и ее долготерпению пришел конец. Большой скандал разразился после очередной пьянки, когда я под утро пришел, а точнее приполз, пьяный в дугу. Мама устроила мне форменную головомойку с кулаками, слезами и причитаниями. После этого я принял твердое решение взяться за ум. Прекратил общение с пьяницами корешами, с сомнительными девицами и прочим. Мама вздохнула от облегчения, видя как я возвращаюсь к нормальной жизни. Позже, через нашу соседку, тётю Валю, она узнала, что в нашем политехническом проводят набор на подготовительный курс. Решение пришло быстро. В течение недели я собрал нужные бумаги и копии. В следующий понедельник я поехал и сдал документы о зачислении меня на подготовительный курс. Вот так и началась моя студенческая жизнь.

Я хорошо помню мой первый учебный день. Это было третьего сентября. Постояв у входных дверей примыкающего к институту одноэтажного здания, большая группа молодых парней и несколько девушек спокойно и без толкотни вошли внутрь. Всего нас было сорок человек. Да, среди нас были даже девушки, которые не поступили в прошлом году и решили основательно подготовиться еще раз. Сначала мы сдавали входные тесты по курсу десятого класса средней школы. Ну, чтобы преподаватели курса могли оценить наши перспективы в дальнейшем обучении на подготовительном курсе. В тот день со мной за одним столом сидел крепкого телосложения кареглазый парнишка с белобрысым ёжиком очень коротко подстриженных волос и курносый веснушчатый носом. Поначалу я не обратил на него особого внимания, мало ли кто со мной рядом сидит. В принципе сами тестовые задания были не

сложными, знания за девятый и десятый класс слава Богу не до конца выветрились из моей буйной головушки. Поэтому я быстро ответил на свой вариант теста и решил прилагаемую к нему задачу по физике. Чтобы не привлекать внимание преподавателя, расположившегося за длинным учительским столом, я не стал вкладывать лист с готовыми ответами и решением в тестовые вопросы, а украдкой поглядывал, кто как пытается отвечать на вопросы. Короче говоря, я просто наблюдал за потугами остальных ребят. Краем уха я услышал чуть слышный протяжный вздох моего соседа. Скосив глаза, я взглянул на его почти чистый лист бумаги. Мда, там было практически пусто, а до конца сдачи ответов оставалось еще более двадцати минут. Незаметно оглянувшись вокруг, я слегка толкнул локтем своего соседа в бок и шепнул: «Ну что, брат, помочь?». Парнишка сверкнул на меня глазами и также шёпотом ответил: «Если не трудно». Он немного пододвинул тестовые вопросы так, чтобы я мог их прочесть. Я неторопливо взял свой второй чистый лист бумаги и скопив глаза на его вариант теста, быстро стал проставлять на своём листе ответы. Если замечал, что мимо должен пройти преподаватель, я мгновенно подкладывал свой лист под свой тест, делая вид, что углублен в тестовые вопросы. Когда до конца сдачи оставалось около пяти минут, все ответы на вопросы теста были готовы, но оставалась задача, которую надо было решить. Я быстро передвинул лист соседу и прошептал: «- Извини брат, задачу не успею». Парень посмотрел на подсунутый ему лист с ответами, его карие глаза засияли и он незаметно показал мне большой палец.

Преподаватель, немолодая уже женщина в строгом деловом костюме с сединой на висках, встала из-за учительского стола и объявила, что время на входной тест закончено. Затем продолжила: «- У вас есть сорок пять минут на перерыв. После перерыва начнутся вступительные занятия здесь же, в этом здании. Просьба не опаздывать». Молодежь стала по очереди подходить, класть тестовые задания вместе с листами ответов и выходить из учебного помещения. Еще раз взглянув на своего соседа, я встал, положил тесты и ответы к ним на стол преподавателю и вместе с оставшимися ребятами вышел из здания. Рядом с выходом, в курилке уже кучковались парни и пара девушек нашей группы. Да уж! После «мозгового штурма» хотелось курить. Заводить разговоры особо не было желания. Я отошел от всех и достал начатую пачку сигарет «Опал». Дурная привычка осталась из армии. «- Угостишь?» - услышал я за своей спиной. Обернувшись, я увидел того самого белобрысого соседа, которому помог с тестами. Стукнув по дну пачки, выбил две сигареты, одну протянул ему: «- Закуривай». Парнишка ловко вытянул сигарету из пачки, чиркнул спичкой о коробок, дал подкурить мне, закурил сам и с наслаждением затянувшись, выпустил вверх кольца дыма. Потом окинул меня взглядом и протянул мне свою ладонь: «- Михаил». Я пожал ее. В его рукопожатии чувствовалась сталь. «- Сергей» - в свою очередь представился я. «- Ты тоже из армейцев?» - спросил Михаил, глядя на меня с прищуром, как бы оценивающе. «- Ага. Два года в автобате в Сибво. А ты?». «- Вэдэвэ. Служил под Челябинском». Я с некоторым уважением посмотрел на него: «- Да это я уже понял. Рука у тебя как из металла». Михаил ухмыльнулся и посмотрел на свои ладони, напоминающие две небольшие саперные лопатки. «- Гены. У

меня батя здоровый как шкаф. В него пошел». Внезапно у меня голове мелькнула мысль: «- Слушай... Михаил это как то уж слишком официально. Ты не против, если я тебя буду звать Мíха?». Михаил хитро прищурился: «- Меня так ребята во взводе называли... Ну, раз мы оба из бывших... Не вопрос. Называй». Вот так и состоялось наше первое знакомство.

Мы вместе отучились весь подготовительный курс и в июне сдали выпускные, они же и вступительные, экзамены на первый курс института. После экзаменов Мíха предложил поехать с ним в стройотряд. Я согласился, несмотря на протесты мамы. Два месяца мы трудились на прокладке силового электрокабеля в одном из райцентров Самарской области. Именно в стройотряде мы крепко сдружились. Видимо правду говорят, что совместный труд сближает. На первом курсе Мíха познакомил меня со своей семьей. Его отец Герман Шульц (я звал его просто дядя Гёра) работал дальнобойщиком. Он мотался на своей фуре сначала по всему Союзу, а потом и по всему Эсэнгэ. Мíхина мама, тётя Эмма, тихая, добрая женщина была домохозяйкой. А ещё в их семье была младшая сестра, Софья или Сóфка, как за глаза называл ее Мíха, а потом стал звать и я. Сóфка, в то время пятнадцатилетний подросток, училась в восьмом классе районной средней школы, но уже мнила себя чуть ли не зрелой женщиной, разбирающейся во всех тонкостях жизни. В тот раз Мíха буквально затащил меня к себе на выходные в гости. Я, конечно, пытался отказываться, но он настоял. Родители Мíхи встретили меня приветливо, ненавязчиво расспрашивали обо мне, о маме, об учебе в институте. Много рассказывали о себе, о своей жизни. Сóфка время от времени вмешивалась в нашу беседу, желая тоже участвовать в общем разговоре. При этом она постоянно крутилась возле меня и даже пыталась по-детски неуклюже флиртовать. Это было видно даже невооружённым глазом, поэтому и дядя Гёра и тётя Эмма, как могли, осаживали не в меру расходившуюся дочь. Когда мы сели за стол, Сóфка сидела напротив меня, делала мне «глазки» и улыбалась. После обеда я вышел на балкон покурить, Сóфка, улучив момент, тоже выскочила за мной. Я стоял, оперевшись на перила и курил, глядя со второго этажа на незнакомый мне район. Внезапно я почувствовал чье-то присутствие. Да, была Сóфка. Она стояла рядом, наблюдая за мной. Я сделал затяжку, выпустил дым наверх. Потом повернулся к ней и мягко сказал: «- Соня, ты, конечно, очаровательная девочка. Это факт. Но... понимаешь... Ты еще совсем ребенок. Для моего возраста девушки должны быть... ну, более взрослыми что ли. Причем девушки должны быть с изюминкой... которой у тебя, увы, пока нет. И ещё... Мои слова могут показаться обидными, но девушку... даже если ей пятнадцать... всё-таки украшает скромность, а не навязчивость. Просто подумай над этим». С этими словами я снова повернулся к перилам и облокотился на них, смотря на соседние дома. Пока я говорил, Сóфка, притихнув, молча смотрела на меня. Но когда осознала значение моих слов, она засопела от обиды и разочарования, потом что-то шепча неслышно себе под нос тут же покинула балкон. Я проследил за ней взглядом и ещё некоторое время стоял на балконе, размышляя над поведением Сóфки. Да, она ещё ребенок, но что-то в ней было. Что-то такое, что заставляло все больше и больше о ней думать. На балкон вышел Мíха и с улыбкой спросил:

«- Серый, ты что такое Со́фке сказал? Сидит в своей комнате, надулась пузырьём и шипит на всех как кошка». «- Я ей просто сказал, чтобы отстала от меня. Мала она ещё, пусть подрастёт сначала». Мíха расхохотался и обнял меня за плечи: «- Ладно, пойдем, братúха, пропустим по грамульке». После первого знакомства с семьей Шульцев я, по возможности, старался избегать прямых контактов с Со́фкой. Что, впрочем, мне удавалось. Честно говоря, Со́фка тоже не особо горела желанием общаться со мной. Если же встречи были неизбежными, мы с ледяной вежливостью приветствовали друг друга и потом старались не выделять своего присутствия.

Три года института для меня пролетели как один миг. Моя студенческая жизнь была проста как ящик. Учёба заполняла все мое существование. С утра и почти до вечера я проводил в институте. Очень часто после лекций и практических занятий я засиживался в студенческой библиотеке за чтением или изучением технической литературы. Время от времени Мíха вытягивал меня посидеть где-нибудь за кружечкой пива или кто-нибудь из одноклассников устраивал вечеринку у себя дома. В основном свои вечера я проводил дома перед телевизором или за интересной книгой. Каждое лето мы с Мíхой уезжали со стройотрядами в Россию. По возвращению снова начинались суровые учебные будни. Третий по счету Новый год мы с мамой, по уже установившейся традиции, отмечали в семье Шульцев. Со́фка по прежнему была вежливо холодной по отношению ко мне. За эти три года она сильно изменилась внешне и внутренне. В её поведении исчезла ребяческая упёртость, детский максимализм, присущий подросткам. Она стала взрослее, рассудительней. Я не раз замечал во время наших редких встреч у Шульцев, что она как то по-особенному смотрит на меня. Но на мои попытки примириться с Со́фкой, я наталкивался на всю ту же вежливую холодность с её стороны. Однако и открытой враждебности, которую раньше она проявляла ко мне, тоже не было. Ну и на том спасибо. Вы, наверняка, спросите: а как же твоя личная жизнь? Ну, что сказать. Да, я иногда предпринимал попытки встречаться с девушками. Но эти попытки быстро заканчивались. После всех неудавшихся отношений я сделал для себя вывод: с современными девушками невозможно все время гулять по паркам и скверам, держась за руки или целоваться в подъездах. После двух, максимум трех, свиданий они намекали на что-то более существенное, а моя стипендия не подразумевала хождения по значным местам, типа баров и ресторанов. Возможно, когда-нибудь, но не сейчас.

Весенний семестр четвертого курса, как и все предыдущие, начинался со сдачи накопившихся за полугодие «хвостов» и практических работ. Но все же мы с Мíхой, подготовившись, сдали этот семестр на «отлично». В это лето я решил остаться дома, как настойчиво просила меня мама. Через своих старых знакомых я нашел подработку на три месяца, до конца августа. И тогда произошло то, чего я никогда не ожидал. В один из вечеров, когда я вернулся с «шабашки», позвонил телефон. Я снял трубку - молчание, слышно было только чье-то дыхание, потом раздались короткие гудки. Я положил трубку. Через пару минут снова звонок и молчание. Я с раздражением спросил, какого, мол, чёрта звонить и молчать. Потом спросил первое, что пришло в

голову, а в тот момент почему-то голове всплыло лицо Сóфки: «- Соня, это ты? Если это ты, почему молчишь?». Дыхание в трубке стало чаще и снова короткие гудки. Тогда я решил прояснить ситуацию и позвонил Шульцам. Трубку взяла, как всегда, тётя Эмма. Я поздоровался с ней и попросил позвать Сóфку. На том конце я услышал ее возглас: «- Сонечка, детка, тебя Серёжа спрашивает». Сóфка долго не подходила, но я упорно ждал. Наконец Сóфка своим привычным вежливо ледяным тоном ответила: «- Добрый вечер Сергей». Я не стал орать и ругаться, просто спокойно, без приветствия, начал: «- Соня, я прекрасно знаю, что это звонила ты. Если ты хочешь мне что-то сказать, просто поговори со мной. Может мы вместе найдем способ наконец стать друзьями. Если у тебя какая-то проблема, то расскажи мне о ней и мы вместе найдем решение. Так что же все-таки случилось?». Мой спокойный, почти убаюкивающий, тон произвел на Сóфку магическое действие. Она долго молчала. Я даже подумал, что оборвалась связь: «- Алло Соня, ты ещё здесь?». Видимо, во время своего долгого молчания Сóфка испытывала сильную внутреннюю борьбу, так как после молчания она уже другим, изменившимся, голосом тихо сказала в трубку: «- Ты можешь со мной поговорить? Не по телефону». «- Могу конечно. Только сначала скажи, у тебя всё хорошо? Может у тебя с Мíхой проблемы? Или что-то другое?». «- Другое». «- Ладно. Давай сделаем так. Сейчас уже поздновато для бесед. Завтра после работы, часов в пять, я заеду к вам. Хорошо?». «- Хорошо». «- Тогда до завтра Соня, пока». «- Пока». Закончив разговор, я долго размышлял, о чём таком Сóфка хочет со мной поговорить: «Странно, буквально недавно она игнорировала меня, шарахалась от меня как от зачумленного. Ни тебе здрасти, ни тебе до свидания. А тут вдруг ни с того ни с сего такой поворот». Когда мама спросила, кто звонил, я сказал, что звонила Софка и просила завтра подъехать к ним, у нее есть ко мне важный разговор. Мама только хмыкнула и, ничего не сказав, пожала плечами.

На следующий день, к пяти вечера, я стоял на прохладной лестничной площадке у квартиры Шульцев и нажимал на дверной звонок. Дверь открыла тётя Эмма: «- Проходи Серёжа, проходи. Бедняжка, мотаешься в такую жару. Компот холодный будешь?». «- Здравствуйте тётя Эмма, конечно буду. Я только с работы. Просто Соня просила меня приехать. Разговор у нее какой-то важный». Тётя Эмма вздохнула: «- Ох, Серёжа, я даже не знаю...». Мы прошли на кухню. Тётя Эмма поставила мне бокал с холодным компотом и вазочку с её собственным печеньем. Молча сели за стол. Тётя Эмма горестно посмотрела на меня и тихо заговорила, местами переходя на шёпот: «- Серёжа, ты не поверишь. В последнее время Сонечка стала какой-то замкнутой, не разговорчивой. Представляешь, она даже на выпускной вечер не осталась со своим классом. Получила аттестат и пришла домой. Я слышала, как она весь вечер плакала в своей комнате. Я пыталась с ней поговорить. Но она молчит! Миша тоже пытался - та же история. Я уже не знаю, что и думать, как ей помочь. Может у нее проблемы какие? Может она натворила чего, а сказать боится? Я даже плохое боюсь подумать». Внезапно тётя Эмма сделала «большие» глаза: «- Серёжа, а может... может она влюбилась в кого?». Я попробовал успокоить не на шутку расстроенную женщину: «- Тётя Эмма, да не волнуйтесь Вы так. Я поговорю с Соней и всё

выяснится. Она умная и серьёзная девушка, всё будет в порядке». В этот момент щёлкнул замок входной двери. Мы замолчали. В кухню вошла Сófка в своём неизменном голубом летнем халате и с пакетами в руках. Увидим меня за столом, она мгновенно напряглась, потом расслабленно выдохнула. Я смотрел на Сófку. Впервые передо мной была уже не та острая на язычок, угловатая девчонка хохотушка с косичками. Это уже была вполне оформившаяся очаровательная девушка с красивой фигурой и стройными ногами. Я невольно залюбовался Сófкой, в моей голове пронеслось: «- А она красивая». Нежная кожа, открытые карие глаза, русые густые волосы с натуральными локонами, чуть полноватые, чувственные губы, ямочки на щеках. «- Я и не заметил, как она выросла. Жаль...». Сófка, словно почувствовала мои мысли, слегка смутилась, на её щеках выступил слабый румянец. Она положила пакеты на холодильник: «- Mam, мне надо поговорить с Сергеем». Тётя Эмма тут же засуетилась: «- Хорошо, хорошо Сонечка... Поговорите, конечно. Но потом ужинать... Без разговоров». Тётя Эмма умоляюще посмотрела на меня. Я слегка кивнул ей.

Мы зашли в комнату Сófки. Я взял стул у её письменного стола, развернул его полукруглой спинкой вперед и сел, положив руки на спинку. Сófка села с ногами в своё любимое мягкое кресло около этажерки с книгами. Она рассеянно глядела в окно через тюлевую штору. Я посмотрел на нее. «- Соня, я знаю, что наши с тобой отношения нельзя назвать тёплыми. Но я верю, что когда-нибудь мы станем друзьями. Если я тебя чем то обидел - прости... и я хочу, чтобы ты знала... Мíха и ты... Вы единственные мои близкие друзья... На кого я могу рассчитывать и кого не хочу потерять». Я почувствовал сухость во рту и машинально сглотнул. Провёл ладонями по лицу, как бы успокаиваясь, и продолжил: «- Ты хотела со мной поговорить. Я слушаю тебя. Не думай, я не стану смеяться над твоими словами или осуждать тебя. Даже несмотря на наши непростые с тобой отношения, я очень хочу помочь тебе разобраться в твоей проблеме». Сófка молчала, слушала мои слова, хмурясь глядя в окно и не решаясь начать разговор. Я видел, как в ней происходит внутренняя борьба. Наконец она, запинаясь, тихо начала: «- Се... Серёж... Я люблю одного парня... Давно люблю... Но он старше меня... И меня не замечает... Я не знаю, нравлюсь я ему или нет... Мне больно...». «- Соня, ты разговаривала с Мíхой? Он всё-таки твой старший брат». «- Нет... Я хотела...». Тут Сófка посмотрела мне в глаза: «- Я правда хотела, честное слово... просто не смогла». Сófка снова уставилась в окно. «- Понятно. А что говорит мама? С ней то ты советовалась?». «- Пыталась. Но ты же знаешь нашу маму. Она сказала, что бы я выкинула всякие глупости из головы... Что в первую очередь надо получить образование, поступить в институт... Что личная жизнь от меня никуда не убежит и парни от меня никуда не денутся». Вдруг Сófка опустила голову, закрыла лицо ладонями и срывающимся голосом спросила: «- Ты тоже так думаешь?». «- Нет. Я думаю иначе, чем ваша мама. Хотя в её словах есть резон». Сófка отняла ладони от лица. В её глазах стояли слёзы: «- А что бы ты сделал на моём месте?». Откровенно говоря, вопрос Сófки застал меня врасплох. «Кхм!... Так сразу и не ответишь...».

Я молчал, обдумывая свой ответ Софке. Я понимал, чтобы заслужить её доверие я должен быть с ней до конца честен. «-... Ну хорошо... Давай предположим такую ситуацию... Предположим, что я влюбился в одну очень очаровательную девушку... Например, в тебя...». Софка фыркнула, но её глаза, полные слёз, не отрываясь смотрели на меня. «- Для начала я бы попытался разобраться в себе, в своих чувствах, на самом деле я тебя люблю или мне это только кажется. Я не знаю, сколько потребуется на это времени... Может минута, а может и год... Допустим, разобравшись с собой, я понял, что люблю тебя и не могу без тебя жить...». В глазах Софки появился живой блеск, слёзы уже высохли. Казалось, она впитывает каждое моё слово: «- Следующий мой шаг - поговорить с тобой... Любишь ли ты меня... Ну или хотя бы я тебе нравлюсь... то есть твоя ответная реакция на моё признание... Если твоя реакция положительна, другими словами ты питаешь ко мне ответные чувства, значит половина проблемы решена. Вторая половина проблемы решается нами сообща. Я помогаю тебе поступить в институт, помогаю тебе с учёбой, помогаю найти тебе престижную работу... ну и так далее. Вот тут твоя мама права, но... Ещё раз повторю: эта вторая половина проблемы решается только сообща двумя любящими друг друга людьми». Софка печально опустила глаза в пол, голос её дрогнул: «- А если... в твоём примере... Я не люблю тебя?». Я потёр подбородок и со вздохом ответил: «- Ну... Тогда, по крайней мере, я узнал бы об этом и не питал бы ложных иллюзий в отношении тебя. Да, это было бы больно, это было бы тяжело, но честно и позволило бы мне пережить утрату любви... И начать заново строить отношения с другой девушкой». Я встал, пересел на подлокотник кресла, в котором сидела Софка, взял её за руку и легонько сжал. Софка машинально дёрнулась, но руку не отняла. Мы смотрели в глаза друг другу. Не отводя взгляда, я спокойно сказал: «- Сонечка... Пойми одну очень простую вещь. В твоей любви никто не может дать тебе правильный совет. Слушай своё сердце, но и разум не теряй. И главное помни. Если тебе нужна будет моя поддержка, я всегда буду с тобой рядом. Я уверен стопудово, что и Мíха всегда будет на твоей стороне». Софка, уже не стесняясь меня, заплакала и уткнулась мне в плечо. Её близость снова взволновала меня. В этот момент мне так хотелось поцеловать её, прижать к себе, успокоить. «Ого, Серый! Да ты залип на неё» - сказал мой внутренний голос. В дверь негромко постучали, это была тётя Эмма. «- Да, тётя Эмма, мы уже поговорили. Сейчас идём» - стараясь унять дрожь в голосе, громко сказал я. За дверью послышался вздох и удаляющиеся шаги. Я мягко отстранил Софку, нежно провёл ладонью по её лицу, стирая разводы от слёз: «- Сонечка, успокойся. Я же с тобой. Идем, тётя Эмма уже, наверно, что-то приготовила». Софка обвила мою шею руками и положила свою голову мне на грудь: «- Серёж, ты такой... такой... я так тебя люблю». «- Я тебя тоже люблю Сонечка. Идём».

Пока Софка в ванной комнате приводила себя в порядок, я сидел с тётей Эммой на кухне и негромко беседовали. «- Тётя Эмма, не беспокойтесь. Соня просто влюбилась. Такое бывает, Вы же знаете». Тётя Эмма прикрыла рот ладонью: «- Но как же институт? Ей же надо получить образование, работу, думать о будущем...». «- Я думаю, что убедил Соню. Любовь это, конечно, отлично, но любовь любовью, а образование в жизни всегда

пригодиться. Только, тётя Эмма, не давите на Соню. Дайте ей самой во всём разобраться. Со своей стороны я обещаю, что не дам ей наделать глупостей. Да и Мíха...». Тётя Эмма лишь махнула рукой на мои слова: «- У твоего Мíхи тоже в одном месте свербит...». В кухню зашла Сóфка и тётя Эмма замолчала. С этого дня наши отношения с Сóфкой в корне изменились. Ещё год, два назад она могла пройти мимо меня, даже не удостоив взгляда, отпустить ехидные замечания и язвительные колкости в мой адрес, стоило мне появиться у них дома. Сейчас она стала совсем другая по отношению ко мне: более открытая, более дружелюбная. Теперь мы с Сóфкой практически не ссорились из-за пустяков, могли говорить без опаски на разные темы, даже интимного характера, стали часто звонить и встречаться вечерами друг с другом. Самое обсуждаемой новостью в семье Шульцев было решение Сóфки поступать в нархоз. Я и Мíха сразу поддержали это её решение и клятвенно пообещали подготовить Сóфку к вступительным экзаменам. Но о чём не подозревали ни Мíха, ни его родители, ни даже моя мама это наша с Сóфкой любовь. Я понимал, что я и есть тот самый «парень», в которого тайно влюблена Сóфка. Но самым интересным было то, что Сóфка пока не догадывалась о моей тайной любви к ней. При родителях, при брате или где-то на людях мы вели себя как очень близкие друзья. Однако я всё чаще стал замечать её откровенные знаки внимания ко мне. Самое главное - я всё больше и больше стал думать о Сóфке, в моём сердце всё ярче разгоралась любовь к этой очаровательной девушке. Внутренне я всё время хотел быть с ней рядом, разговаривать с ней, слышать её голос, её смех, чувствовать прикосновение её рук.

Однажды, в субботу ближе к вечеру я сидел на скамейке у подъезда, где жили Шульцы и ждал Мíху. Я курил и прокручивал в голове наши планы на завтра. Я не заметил, как открылась дверь подъезда и появилась статная фигура Сóфки в летнем домашнем халате. Увидев меня, Сóфка улыбнулась и помахала рукой: «- Привет Серёж». Я в ответ помахал ей: «- Привет Сонечка». Она подошла к скамейке. Я подвинулся, как бы приглашая сесть. Сóфка молча села, расправила подол халата на коленях. Я заметил, как мелко дрожат её руки, как начали алеть её щеки и уши. Всё это свидетельствовало о её внутреннем волнении. Опустив глаза, она начала медленно и тихо говорить, тщательно подбирая слова: «- Серёж... Я последнее время долго думала о наших дурацких ссорах из-за ничего... о том, почему мы не жили дружно...». Я с удивлением посмотрел на Сóфку. Она вздохнула, всё также смотря вниз перед собой, и продолжила: «- И я поняла... Это всё было из-за меня, из-за моего дурацкого характера, идиотских капризов, из-за глупой самовлюблённости... Я вела себя маленький ребёнок...». Сóфка подняла глаза, в них стояли слёзы: «- Серёж... Прости меня за прошлое... Давай забудем всё плохое... Хорошо?». Я легонько обнял Сóфку за плечи и кивнул в знак согласия: «- Сонечка, я давно простил тебя». Сóфка сквозь слёзы улыбнулась и нежно поцеловала меня в щёку. Я смахнул слезинку с её лица: «- Да, забудем всё плохое, что было в прошлом... Я тебе уже говорил, повторяю сейчас. Я всегда буду рядом с тобой, чтобы не случилось... Всегда. Ведь мы теперь как одна семья». Мы ещё несколько минут молча сидели вдвоём на скамейке. В дверях подъезда показался Мíха. Погладив Сóфку по руке, я

встал: «- Ну, всё, Сонечка, мы пошли. Я попозже позвоню тебе, хорошо?». Сóфка с улыбкой кивнула, ладошками вытирая слёзы. Я не обратил внимание на то, что при этих словах Мíха как-то странно глядел то на меня, то на улыбающуюся Сóфку.

В воскресенье вечером я, как всегда, вернулся с "шабашки", принял душ и с мамой сел ужинать. После ужина, когда мы с мамой сели смотреть телевизор, позвонил Глеб, староста нашей группы. По его словам, он решил на следующей неделе, в субботу собрать всю группу у себя на вечеринку по случаю окончания четвертого курса. К слову, Глеб жил один в двухкомнатной квартире, доставшейся ему в наследство от покойной бабушки. Как и подавляющее большинство нашей группы, я безоговорочно поддержал это предложение. И правда, чем мотаться в такую жару по кафешкам да забегаловкам, закупим всё и спокойно повеселимся у него. Парни затарятся продуктами, сигаретами, спиртным, девчонки что-нибудь приготовят поесть и всё будет, как говорится, чики-пуки. Коротко обсудив с Глебом детали предстоящей вечеринки, а именно что мы с Мíхой можем привезти из провианта, я тут же перезвонил Мíхе. К моему удивлению Мíха отреагировал чересчур спокойно. Обычно он с радостью вливался в любые вечеринки нашей группы, выпытывая кто будет, где и как всё будет происходить, предлагал что-то своё. Но на этот раз он сказал, что подумает насчёт своего участия в посиделках и перезвонит. Я снова удивился, но опять не придавал значения его словам. В четверг, за пару дней до назначенных у Глеба посиделок, где-то ближе к вечеру, позвонил Мíха. Он спросил, не занят ли я. На мой отрицательный ответ он попросил приехать к ним домой, мол, у него есть новость для всех нас. Сказав маме, что я к Мíхе ненадолго, мигом собрался и уже через десять минут стоял на автобусной остановке. Сгорая от любопытства по поводу того, какую новость приготовил нам Мíха, я не мог дождаться своей остановки.

Я не успел нажать кнопку звонка, как дверь открылась. На пороге в своей любимой майке топе и шортах стояла Сóфка. Быстро втянув меня в прихожую, она вместо приветствия чмокнула меня в щёку и, прижавшись ко мне, быстро зашептала: «- Серёж, Мишка хочет познакомить нас со своей подругой. Ты только при родителях не удивляйся, ну типа, ты уже всё знаешь. Мама с папой дома, мы ждём их на кухне. Сейчас должен Мишка с ней приехать». Близость Сóфки, её прикосновения, запах её волос снова подействовал на меня сильнее алкоголя, но я быстро взял себя в руки. «Как же я люблю её» - пульсировала в голове мысль. Мы зашли на кухню. Я поздоровался с родителями Мíхи: стальное рукопожатие дяди Геры, объятия тёти Эммы. Традиционный чай с собственным печеньем. В воздухе кухни витало некоторое напряжение. Как будто вот-вот что-то должно произойти, но не знаешь хорошее или плохое. Снова дверной звонок. Сóфка упорхнула из кухни. В прихожей послышались голоса: негромкий узнаваемый басок Мíхи, звонкий фальцет Сóфки и еще один, незнакомый мне, женский голос. Через минуту в кухню влетела Сóфка, следом степенно зашел Мíха. Из-за его плеча показалось лицо незнакомой мне девушки. Её можно было бы назвать красивой. Но это не та искусственная красота, созданная с помощью макияжа

и других женских ухищрений. Нет, это было природное обаяние: слегка овальное лицо, карие, блестящие глаза, правильный, чуть с горбинкой, нос, линия чувственных губ. Девушка была красиво сложена, одета в бежевое летнее платье с завязками на плечах. Её густые блестящие темно каштановые волосы волнами ниспадали на плечи. Я отвёл взгляд от девушки и посмотрел на родителей Мíхи. К слову сказать, девушка произвела на них сильное впечатление. Даже дядя Гера, переглянувшись с тётёй Эммой, еле заметно кивнул ей головой. В уголках его губ затаилась полуулыбка. Немного замешкавшись, Мíха представил девушку: «- Знакомьтесь, это Кристина». Потом по очереди представил ей нас. Кристина по очереди разглядывала нас с любопытством. Она действительно была очень обаятельной и женственной. Мíха коротко рассказал, что Кристина учиться в одном с нами институте, но только в параллельном потоке. Как они нашли друг друга, про это история умалчивает. Позже узнал из сплетен девчат нашей группы, что познакомились они в прошлом году осенью. И всё, дальше мрак неизвестности. Мíха умеет хранить тайны. Сóфка за все это время не проронила ни слова, только время от времени смотрела на меня, стараясь угадать мою реакцию. Но мои мысли были далеко от этой кухни. Я думал о ней, о Сóфке. Иногда наши взгляды пересекались и Сóфка опускала свои пушистые ресницы.

Как было договорено, в субботу мы всей группой собрались у Глеба. Естественно, Мíха пришел с Кристиной. Я позвонил Сóфке и спросил, хочет ли она пойти со мной на нашу вечеринку. Сóфка сразу согласилась, не раздумывая. Договорившись с Мíхой, что встретимся на квартире Глеба, я поехал за Сóфкой. Когда она открыла мне дверь, я остолбенел. В дверях стояла Сóфка в нежно-голубом лёгком платье с открытыми руками. На её шее посвёркивала тонкая золотая цепочка. Сóфка слегка крутанулась передо мной: «- Ну, как я выгляжу?». Я выдохнул: «- Сонечка, ты просто королева!». Сóфка приложила свой пальчик к моим губам. Потом крикнула в глубину квартиры: «- Мам, Серёжа уже здесь. Мы ушли». Мы вчетвером приехали минут за пятнадцать до назначенного времени, чтобы помочь. Ребятам нашей группы я представил Сóфку как свою очень близкую подругу, ловя на ней восхищенные взгляды своих одноклассников. В тот день мы вместе веселились, отдавали должное блюдам, приготовленным руками наших девчонок, восхищались их кулинарным талантам, рассказывали байки, анекдоты, смешные истории, танцевали. В общем гуляли по полной. Когда кто-то включил медленную музыку, Сóфка потянула меня за руку: «- Идём потанцуем?». Мы медленно двигались в такт музыке. Я держал Сóфку за талию, Сóфка обвила мою шею руками. Мы глядели в глаза друг другу. Её глаза казались мне как два омота, постепенно затягивающих в глубину. Её близость, запах волос снова стала кружить мне голову. Сквозь тонкую ткань платья мои руки ощущали её гибкое тело, его тепло, я чувствовал её упругую грудь, её сладкое дыхание. Одна медленная мелодия сменялась другой и мы продолжали медленно двигаться, прижавшись друг к другу. Но вот музыка закончилась, а я не хотел отпускать Сóфку от себя. Сквозь стук сердца в ушах, я услышал её шепот: «- Серёж, не сейчас... Пожалуйста».

Вечеринка сменила свой бешеный темп на спокойное течение. Кто-то

разговаривал, сидя за столом, кто-то рассматривал фотографии, которые Глеб делал во время лекций и практических занятий, кто-то слушал музыку. Чтобы прийти в себя и развеять туман в голове, я незаметно от всех вышел на открытый балкон, благо второй этаж. Встал у балконных перил, достал пачку «Опал». Едва я закурил, на балкон вышла Сóфка. Видимо, она знала, где меня искать. Она сразу подошла и встала рядом со мной. Мы молча стояли и смотрели на вечерний район, где в окнах домов горел свет, двигались тени. Воздух был теплым и мягким, даже какимто обволакивающим. Говорить совсем не хотелось. Хотелось просто стоять рядом с Сóфкой, вслушиваясь в вечерние пение птиц, стрекотание сверчков, смотреть на темносерое, безоблачное небо с уже появившимися маленькими звёздочками. «- Завидую я Мишке» - первая нарушила наше молчание Сóфка. «- Он наконец встретил свою любовь». Я затушил окурок сигареты о пепельницу на балконном столике и посмотрел на Сóфку: «- Сонечка знаешь... Есть на свете человек, который тебя очень любит. Просто ты об этом пока не знаешь. Я скажу тебе больше. Ты очень красивая, у тебя потрясающая фигура. Правда, характер у тебя... Кхм... Но ведь для любви это не помеха». Сóфка тихо засмеялась, но с какой-то мягкой грустью: «- А я не знала, что ты мастер говорить комплименты девушкам». Мы снова замолчали, думая каждый о своём. Потом Сóфка посмотрела на меня: «- Серёж, а помнишь, как ты вот также стоял у нас на балконе и курил. А потом сказал мне, что...». Сóфка на минуту умолкла, как бы вспоминая, потом продолжила: «- ... что девушку украшает скромность, а не навязчивость... Вот я никому и не навязываюсь... И изюминки у меня до сих пор нет...». Словно бросившись в ледяную воду, она вдруг резко повернулась ко мне всем телом и, глядя мне прямо в глаза, тихо сказала: «- Ответь мне на один вопрос. Это очень важно для меня». Глаза Сóфки, полные решимости и отчаянья, блуждали по моему лицу, будто она изучала меня прежде, чем что-то сказать. Её рука сильно сжала перила балкона. Она не спросила, она почти судорожно выдохнула: «- Ты... Ты смог бы полюбить... меня?». Даже в сумерках я увидел, как краска залила её лицо и шею. Одинокая слеза блеснула на её щеке и пропала. В эту секунду я почувствовал, что родней Сóфки для меня нет никого на свете. Теперь точно знал: я очень люблю эту девушку, со всеми её тараканами в голове. Несмотря на свой непростой характер (про таких говорят «сегодня она ангел, а завтра бес сидит внутри»), Сóфка добрый и отзывчивый человек. И все чаще она становится такой мягкой и ласковой со мной. А за её внешней холодностью скрывается очень ранимый человек. Неожиданно для себя, я нежно обнял Сóфку за талию и, вдыхая запах её волос, прошептал ей на ухо: «- Сонечка, я очень люблю тебя. По-настоящему люблю и не хочу тебя потерять». Сóфка ответила на мои объятия и я почувствовал, как её губы коснулись моих.

Этот наш первый настоящий поцелуй, наконец, расставил все точки над «и». Эта квартира, балкон, весь мир как будто растворился, перестал существовать в моём сознании. Не было никого, только мы двое. Я ощутил несвойственный жар во всём теле, сердце бешено колотилось. Казалось, что ещё немного и оно выскочит из груди. О Боже, как же был сладок этот первый наш поцелуй! Руки Сóфки обвили мою шею и, казалось, жгли кожу как угли. По её податливому телу пробежала еле заметная дрожь. Я медленно, как

во сне, водил ладонями по её спине, талии, ягодицам. Не помню, сколько времени прошло. Казалось, что вечность. Наконец, обессиленные, мы оторвались друг от друга. Сóфка прижалась ко мне, все её тело ещё бил легкий озноб. Я обнял её, как будто защищая от всех напастей. Краем глаза я заметил в свете балконного окна темносинюю рубашку Мíхи и фрагмент платья Кристины. Они стояли спиной к балконной двери. Улыбка озарила моё лицо. Сóфка заметила, что я улыбаюсь и вопросительно посмотрела на меня. Я глазами указал ей на балконную дверь. Взгляд Сóфки был красноречивей слов. Как я и предполагал, Мíха заметил, что я вышел на балкон и как Сóфка вышла буквально за мной следом. Мíха нашёл Кристину в обществе девчонок нашей группы и попросил её на якобы личный разговор. В двух словах объяснив ситуацию, они вдвоем собой заблокировали балконную дверь, дав мне и Сóфке возможность быть наедине.

Мы с Сóфкой, обнявшись, стояли у перил, когда тихо скрипнула балконная дверь. «- Серый! Сóфа! Наконецто! Вы не представляете себе, как я счастлив... как мы все счастливы за вас обоих. Мой лучший друг и моя родная сестра любят друг друга!. Блин, родные вы мои! Теперь мы точно будем самой настоящей семьей!» - Мíха с искренним смехом обнял нас сзади. Кристина стояла рядом и улыбалась своей открытой, мягкой улыбкой. В этот поздний летний вечер, под ночным небом, усыпанным яркими звёздами, на балконе второго этажа пятиэтажного жилого дома, обнявшись, стояли четверо молодых людей, совершенно разных по своей природе, но объединённых самой прочной связью - любовью и крепкой дружбой. И самое главное - они были счастливы...

Конец первой части

© SergejDE 2026